

Марина Мнишек

**Дневник Марины Мнишек
(1607-1609 г.)**

**По рукописи Краковского музея
князя Чарторыйского №1633**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М26

М26 **Марина Мнишек**
Дневник Марины Мнишек (1607-1609 г.): По рукописи Краковского музея князя Чарторыйского №1633 / Марина Мнишек – М.: Книга по Требованию, 2012. – 79 с.

ISBN 978-5-458-08527-4

С предисловием А. А. Титова

ISBN 978-5-458-08527-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Издаваемый мною „Дневникъ Марины Мнишекъ“ представляетъ собой окончаніе того дневника, который напечатанъ Н. Г. Устряловымъ въ его „Сказаніяхъ современниковъ о Самозванцѣ“. Въ своемъ предисловіи къ „Дневнику Марины и польскихъ пословъ“ Н. Г. Устряловъ упоминаетъ, что онъ заимствовалъ изъ манускриптовъ ученаго Албетранди. Эти рукописи цѣльны тѣмъ, что авторы ведутъ въ нихъ рассказъ просто и записываютъ почти только то, что сами видѣли. Устряловъ не называетъ авторовъ дневниковъ, но упоминаетъ, что они были писаны двумя поляками, изъ которыхъ одинъ находился въ свитѣ Марины, а другой—при польскихъ послахъ. Устряловъ сожалѣетъ, что печатаемый имъ „Дневникъ Марины“ кончается 9 декабря 1607 года; здѣсь прекращается любопытная рукопись, тогда какъ, судя по заглавію: „Rzeczy polskich w Moskwie za Dimitra Opisanie przez jednego tam obecnego roku 1605 do roku 1609“, это сочиненіе должно идти до 1609 года. Такимъ образомъ, заключаетъ Устряловъ, послѣдніе листы утратились.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Краковъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію завѣдующаго музеемъ Чарторыйскаго, доктору Соколов-

скому. мнѣ пришлось списать двѣ польскихъ рукописи. Одна изъ нихъ— „Исторія Димитрія царя московскаго и Марины Мнишекъ, дочери сандомирскаго воеводы, царицы московской, составленная по дневнику гофмейстера Марины. Мартына Стадницкаго“, была мной напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1906-й г. Другая рукопись оказалась дословной съ „Дневникомъ Марины“, напечатаннымъ Устряловымъ въ его „Сказаніяхъ о Самозванцѣ“. Достоинство же краковской рукописи заключается въ ея цѣлости: она содержитъ въ себѣ весь дневникъ и такимъ образомъ восстанавливаетъ утраченные листы Устряловской рукописи. Этотъ дневникъ доведенъ до февраля 1609 года.

Судя по замѣткамъ переписчика, Луки Голембювскаго, *) эта рукопись — дневникъ Авраама Рожнятовскаго, одного изъ приближенныхъ сандомирскаго воеводы Мнишка. Въ повѣствованіи Рожнятовскаго заключаются лишь общія и краткія свѣдѣнія о покушеніи Бориса Годунова на жизнь царевича Димитрія въ Угличѣ въ 1591 г., о спасеніи царевича докторомъ итальянцемъ, положившимъ на его кровать другого ребенка. Этотъ докторъ скрылся съ царевичемъ куда-то на Ледовитое море. Послѣ смерти доктора Димитрій проживалъ въ подмосковныхъ монастыряхъ, а затѣмъ въ Польшѣ, гдѣ обучалъ дѣтей шляхтича Хофскаго. Въ Бражнѣ онъ открылъ себя игумену, который и сообщилъ объ этомъ князю Адаму Вишневецкому. Векорѣ Димитрій черезъ воеводу Юрія Мнишка былъ представленъ и къ королю. Съ польскимъ войскомъ Димитрій вступилъ въ

*) Бывшаго въ 1818 г. смотрителемъ Пулавской библіотеки кн. Адама Чарторыйскаго.

Россею. Войска Бориса признали его царемъ; и крѣпости сдавались одна за другой. Послѣ смерти Бориса, онъ вступилъ на престолъ въ 1605 году, и все остальные войска перешли на его сторону. Царица Марѳа признала въ немъ своего сына. Послѣ коронаціи онъ отправилъ посла Аѳанасія Власьева въ Краковъ просить руки Марины Мишкевъ. 22-го ноября 1605 г. былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія легатомъ Маціевскимъ. Затѣмъ посолъ Власьевъ вручилъ Маринѣ богатые подарки отъ царя, въ числѣ которыхъ былъ драгоцѣнный камень „Нептунъ“. 2-го марта 1606 г. Марина выѣхала изъ Самбора въ Москву. Вся свита состояла изъ 1969 лицъ и 1961 лошади. Воевода прибылъ въ Москву 5-го мая. Въ дневникѣ подробно описаны роскошь двора и придворные обычаи. Марина торжественно выѣхала въ Москву 12-го мая и до бракосочетанія проживала у царицы Марѳы, матери Димитрія. Затѣмъ была дана аудіенція посламъ Сигизмунда—Олесницкому и Гонсевскому, причемъ произошелъ споръ изъ-за неполнаго титула царя. Маринѣ передъ вѣнчаніемъ Димитрій подарилъ шкатулку съ вещами цѣною въ 500.000 рублей, а ея отцу 100.000 руб. для уплаты долговъ. 18-го мая было совершено бракосочетаніе и коронаваніе царицы Марины. вмѣстѣ съ тѣмъ Марина пріобщалась св. Таинъ изъ рукъ патріарха по обряду восточной церкви, хотя не получила разрѣшенія на это отъ папы. На другой день пиръ, а на третій день обѣдъ для военныхъ. 21-го мая Олесницкій вручилъ Димитрію отъ короля подарки: драгоцѣнную цѣпь и кубки. Въ этотъ день посолъ былъ приглашенъ къ царскому столу. Царь и царица были въ польскомъ платьѣ. Началась танцы, во время которыхъ Димитрій

плясать съ женой по-гусарски, потомъ съ паномъ воеводой, затѣмъ воевода съ дочерью, при чемъ велъ ее по лѣвую руку. Во время этихъ увеселеній замѣчалось возбужденіе въ народѣ, но на это не обращали вниманія. 27-го мая общее возстаніе. Впускаютъ 18.000 человѣкъ изъ окрестныхъ мѣстъ, занимаютъ 12 воротъ. Всѣмъ предводительствуетъ Шуйскій. Съ крикомъ „горить!“ они бросились во дворецъ и безъ труда овладѣли имъ. Басмановъ, спавшій въ передней Димитрія, убитъ. Марина сбѣжала внизъ въ одной рубашкѣ и юбкѣ; тамъ ей сказали, что ея мужъ уже убитъ. Она вернулась наверхъ къ своимъ женщинамъ и со страхомъ ждала дальнѣйшей участи. Слуга Осмульскій, храбро защищавшій къ нимъ входъ, зарубленъ. Хмѣлевская, получивъ огнестрѣльную рану, вскорѣ же и скончалась. Народъ бросился грабить, но бояре разогнали его и увели царицу съ ея женщинами въ другую комнату, увѣривъ ихъ, что онѣ въ безопасности. Полякамъ отрѣзали сообщеніе съ дворцомъ; ихъ квартиры осаждали и брали приступомъ; тамъ, гдѣ они были малочисленны и разрознены, ихъ вырѣзали, варварски поступая съ ихъ останками. Договоръ съ воеводой заключилъ Татищевъ, обезпечивъ его жизнь. Въ этомъ мятежѣ погибло 500 поляковъ и столько же москвичей. Когда все успокоилось, Мнишку разрѣшили навѣстить дочь. 29-го мая Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ. Черезъ три дня у воеводы отняли Марину, лишивъ ее драгоценностей, не только подаренныхъ мужемъ, но даже ея собственныхъ. Самого же Мнишка обвиняли въ томъ, что онъ ввелъ Самозванца. Воевода оправдывался. Кончили на томъ: такъ какъ его чудесно сохранилъ Богъ, то онъ будетъ обезпеченъ.

Коронованіе Шуйскаго совершилось 11-го іюня. Польскіе послы, призванные боярами къ отвѣту, на сдѣланные упреки отвѣчали, что король ни въ чемъ не нарушилъ договоровъ. Димитрія въ Польшѣ презирали, да и король Сигизмундъ не признавалъ его, хотя отчасти и покровительствовалъ. Но такъ какъ русскіе и тамъ, и у себя на родинѣ считали его царевичемъ, и сами посадили его на престолъ, то пусть себѣ же и приписываютъ причину этихъ злоключеній. Посоль требовалъ освобожденія воеводы, его дочери и всѣхъ поляковъ. Ему отвѣтили, что онъ посоль не къ этому царю, а къ Разстригѣ (объжавшему изъ монастыря). Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду посоль, а плѣннымъ разрѣшили писать. Но вскорѣ разнеслась вѣсть, что Димитрій живъ. Грозилъ внутренняя война. Польскихъ плѣнныхъ разослали въ разныя стороны, а именно: князя Вишневецкаго—въ Кострому, Стадницкихъ—въ Ростовъ, Тарло и нѣкоторыхъ другихъ—въ Тверь, сандомірскаго воеводу съ дочерью и сыномъ—въ Ярославль. Всѣхъ сосланныхъ съ ними въ Ярославль было 375 лицъ. Салтыковъ, спрошенный паномъ воеводой, разсказалъ ему, что князь Волконскій, который былъ отправленъ къ Сигизмунду III, уже вернулся, и какъ только прибудетъ обѣщанный посоль. Оричскій, поляки и панъ воевода будутъ выпущены.

Дѣйствительно, вскорѣ разрѣшили отправить пока 37 лицъ прислуги и троихъ шляхтичей. Они писали изъ Св. Троицы, что крымскіе татары и казаки вступили въ ожесточенную войну, и многое говоритъ за то, что Димитрій живъ.

Затѣмъ въ дневникѣ подробно описывается, что съ ними происходило, какія вѣсти получа-

лись ими—большей частью вымышленныя или сильно преувеличенныя. 17-го мая 1606 г. поляки, бывшіе въ Ярославлѣ, приступили къ 40 часовому молитвенному бдѣнію, испрашивая у Бога освобожденіе; собравшись на разсвѣтъ и произнося святыя имена: „Іисусъ, Марія“, всѣ стегали себя плетью. Ихъ покаяніе поразило русскихъ.

Португалець, изъ ордена августиновъ, Николай де-Мело, проповѣдывавшій слово Божіе въ Новой Индіи, былъ назначенъ за свое усердіе начальникомъ всѣхъ находящихся тамъ миссіонеровъ. Когда онъ возвращался оттуда черезъ Персію и Россію, его задержали по пути и обобрали. Это случилось въ царствованіе Бориса Годунова. Когда правленіе перешло къ Дмитрію, его должны были выслать въ Испанію съ русскими комиссарами, но послѣ злополучнаго паденія Дмитрія онъ былъ сосланъ въ Борисоглѣбскій монастырь, въ трехъ миляхъ отъ Ростова. Нѣсколько разъ писалъ онъ къ Мишкѣ, донося обо всемъ. Сильно огорчила несчастныхъ смерть отца Венедикта Ансерына, изъ ордена бернардиновъ, ихъ духовнаго отца. Разгорающаяся все сильнѣе междоусобная война, появленіе польскихъ войскъ у границъ—были истинными причинами ихъ долгаго задержанія. Однако 26-го мая 1608 года пана воеводу, его дочь и часть ихъ свиты вызвали въ Москву; они выѣхали въ числѣ 110 человекъ, считая и женщинъ.

Въ Ярославлѣ осталось 162 мужнины. Ихъ выѣздъ изъ Ярославля осуществился, благодаря усиліямъ польскихъ пословъ, которые работали надъ этимъ цѣлый годъ; остальные также ждали освобожденія. Случилось же обратно: ихъ вскорѣ выслали въ Вологду, 30 милями дальше, такъ

какъ Ярославлю грозила опасность отъ подхлдившихъ войскъ Димитрія. Они вышли къ переправѣ все вмѣстѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, и благодарили за гостепрѣимство—или по тамошнему выраженію за хлѣбъ-соль—трубными звуками и киданіемъ шапокъ вверхъ.

1-го августа 1608 года послы доносили имъ, что они заключили перемиріе на четыре года безъ одного мѣсяца, въ силу котораго все поляки должны быть освобождены еще до 8-го октября. Имъ разрѣшили увезти останки покойнаго бернардинскаго монаха.

Столь долго ожидаемый ими выѣздъ изъ Вологды осуществился, наконецъ, 3-го октября. Садясь на судна на рѣкѣ Сухонѣ, они все воскликнули: „Иисусъ!“ Между тѣмъ Ярославль взятъ войсками Димитрія; Сапѣга въ немъ губернаторомъ; онъ присылаетъ приказъ задержать поляковъ и отправить ихъ въ Вязму. Поляки обѣщаютъ свою защиту тѣмъ, которые ихъ стерегли, и предпочитаютъ отправиться въ лагерь Димитрія. Гонецъ этого царя увѣдомляетъ ихъ, что панъ воевода съ дочерью, принятые царскими полками, приглашаютъ ихъ прѣхать къ нему. Въ Переяславль они соединились со свитою старосты Саноцкаго и князя Вишневецкаго. Выбравъ себе коней и сдѣлавъ шесты со знаменами, они уже не какъ плѣнные, а какъ боевой отрядъ изъ 200 человекъ, вступаютъ 26-го октября въ лагерь Сапѣги, выѣзжаютъ на пробныя стычки и показываютъ свою удалъ. Они недолго пробыли здѣсь, торопясь въ лагерь Димитрія, находившійся въ то время подъ столицей. Они прибыли туда 2-го декабря; ихъ привѣтствовали царь и знать.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе той части „Дневника Маршала“, которая издана Устря-

ловымъ. Мы печатаемъ его далѣе, начиная съ 9-го числа декабря 1607 года, и заканчиваемъ январемъ 1609 года.

Ан. Титовъ.

Ростовъ Великій.
1908 г. января 20.

Дневникъ Марины Мнишекъ.

(1607—1609 гг.)

Декабрь 1607 г.

9-го были вѣсти, что посольъ уже совершилъ свое посольство. На аудіенціи онъ будто бы спрашивалъ царя: „на какомъ основаніи держали такъ долго въ заточеніи посла моего государя, сенатора, пана воеводу, и другихъ столь достойныхъ людей безо всякаго преступнаго къ тому повода съ нашей стороны, ибо они не пришли грабить землю или объявлять войну, а привезли законную супругу, которую вы просили для бывшаго своего царя и государя у Его Величества Короля и у Рѣчи Посполитой. Въ мирномъ и радостномъ настроеніи вѣхали всѣ съ польскими послами, чтобы дружески обсудить и скрѣпить вопросъ о вѣчномъ союзѣ“. На это царь и думные бояре отвѣтили, что панъ воевода и всѣ остальные люди, посланные твоимъ государемъ, приѣхали не къ истинному царю, а къ Разстригѣ, на погибель нашей родины. Эту погибель невозможно было предотвратить иначе, какъ такимъ образомъ. Услышавъ это, посольъ сталъ убѣждать и доказывать, что Дмитрій былъ не Разстрига, а истинный царь, котораго признала вся Москва, короновала его, какъ государя, и принесла ему присягу въ вѣрности. „Однако все, что случилось,—сказалъ

посоль. — послужить на вѣчное посрамленіе вапе передъ всѣмъ міромъ. А темерь, — обратился онъ къ царю, — если оставшихся людей моего государя ты не выпустишь изъ своей земли или выпустишь въ такомъ жалкомъ видѣ, въ какомъ выпустилъ прочихъ, государь мой велѣлъ отдать тебѣ эту саблю, объявляя справедливую войну“. Царь, принявъ саблю, будто бы удержалъ этого посла, приставивъ къ нему сильную стражу; своего же посла они снова хотѣли отправить въ Польшу.

Потомъ выдумали, что трехъ изъ нашихъ вельможъ, болѣе знатныхъ, вызовутъ для переговоровъ. Другіе же утверждали, что переговоры произойдутъ во время двухмѣсячнаго перемирія между Димитріемъ и Шуйскимъ. Мы рѣшительно не знали, кому вѣрить; если бы записывать всеъ появлявшіяся извѣстія, то имъ не было бы конца.

Когда тревожные слухи утихли, мы сочли за необыкновенную милость Провидѣнія, что никто изъ насъ и родственниковъ не имѣлъ дурныхъ предчувствій.

10-го. То же подтвердилъ стрѣлецъ изъ Москвы, тайно сообщивъ пану воеводѣ черезъ нашихъ, что посоль подалъ царю письмо на обнаженной саблѣ.

16-го и въ послѣдующіе дни снова говорили, что воевода Салтыковъ, который стерегъ насъ вначалѣ, прійдетъ въ Ярославль за паномъ воеводой и иными польскими вельможами, чтобы отвезти ихъ для переговоровъ въ Москву, а мелкую челядь прямо отсюда отправить въ Польшу. Это однако не подтвердилось.

21-го. Посломъ былъ панъ Глѣбовичъ. Всякихъ невѣроятныхъ вѣстей было очень много, но ихъ не хотѣлось и записывать. Между прочимъ, держался слухъ, будто царь Димитрій только что двинулся изъ Путивля, потому не было слышно и о тревогѣ въ Москвѣ. Но и этому извѣстію нельзя было довѣрять.